

КРУГЛЫЙ ГОД С
ЛИТЕРАТУРОЙ

КВАРТАЛ ПЕРВЫЙ
ГЕННАДИЙ КРАСУХИН

Круглый год с литературой

Геннадий Красухин

**Круглый год с литературой.
Квартал первый**

«ИП Стрельбицкий»

Красухин Г.

Круглый год с литературой. Квартал первый /
Г. Красухин — «ИП Стрельбицкий», — (Круглый год с
литературой)

Автор этой книги, как и трёх остальных, представляющих собою кварталы года, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей с 1972 года и Союза журналистов с 1969-го. Перед вами литературный календарь. Рассчитанный не только на любителей литературы, но и на тех, кто любит такие жанры, как мемуаристика, как научно-популярные биографии писателей, типа тех, что издаются в серии «Жизнь замечательных людей». Естественно, что многих, о ком здесь написано, автор знал лично. И это обстоятельство сообщило календарным заметкам отчасти мемуарный характер. Но популярные очерки рассказывают не только о замечательных писателях. Как и все люди, писатели бывают разными: замечательными и не очень, добрыми и злыми, смелыми и осторожными. В этом смысле авторские заметки субъективны. Автор представляет своих героев такими, каким они ему видятся.

Содержание

1 ЯНВАРЯ	6
2 ЯНВАРЯ	12
3 ЯНВАРЯ	16
4 ЯНВАРЯ	23
5 ЯНВАРЯ	26
6 ЯНВАРЯ	29
7 ЯНВАРЯ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Геннадий Красухин

КРУГЛЫЙ ГОД С ЛИТЕРАТУРОЙ

КВАРТАЛ ПЕРВЫЙ

Календарь, частично основанный на мемуарах

А всё началось с фейсбука. С того, что мне захотелось поздравить моего друга поэта Олега Чухонцева, пригласив читателей насладиться его стихотворением.

Некоторое время я помещал стихи или отрывки из прозы известных поэтов и прозаиков, с которыми был некогда знаком. Выпадала подходящая календарная дата, и я её таким образом отмечал.

Но потом мне самому интересней стало рассказывать о том, каким я знал того или иного писателя или каким он мне представляется, чем он обогатил литературу и, стало быть, необходим читателю.

Тем более что больше 40 лет я работал в периодической печати.

Наконец, я добавил к этому и тех писателей, которых лично знать не мог, но о которых у меня сложилось совершенно определённое мнение. Этим мнением я делился со студентами Литературного института и Московского педагогического государственного университета, где профессорствовал.

Я благодарен многим моим друзьям по фейсбуку за замечания и исправления, которые они вносили в мой текст. Особая благодарность – Евгению Юрьевичу Сидорову, Владимиру Ивановичу Новикову, Марату Рустамовичу Гизатулину, Николаю Аркадьевичу Анастасьеву.

1 ЯНВАРЯ

Анатолий Владимирович Жигулин (родился 1 января 1930 года) пришёл в «Литературную газету», рекомендованный Леонардом Иллариновичем Лавлинским, инструктором ЦК КПСС, бывшим коллегой Евгения Алексеевича Кривицкого, который перешёл к нам из ЦК на должность зама главного редактора – куратора первой тетрадки газеты, куда входил и наш отдел литературы.

И Жигулину казалось, что он пришёл в газету надолго. Помню, как, впервые оказавшись на редколлегии, он старательно пересказывал содержание романа Николая Кочина, опубликованного в «Волге».

– *И как написано?* – устал слушать Жигулина Чаковский.

– *Скучновато,* – простодушно ответил тот.

– *Так что же вы нам морочите голову!* – рассердился Чаковский. – *Вы что предлагаете? Отрицательную рецензию?*

– *Нет, отрицательную не нужно,* – просительно сказал Жигулин. – *Автор всё-таки старый человек.*

– *А на положительную не тянет?* – раздражённо спросил Чаковский. И рассвирепел: – *Так для чего полчаса вы пересказывали нудягу. Это ваша недоработка!* – накинулся он на зава отдела литературы Юрия Буртина. – *Вы собираетесь перед редколлекцией, обсуждаете журналы?*

– *Собираемся и обсуждаем,* – ответил Буртин.

– *И что вы решили по поводу Кочина?*

– *Что следует пройти мимо этого романа, не заметить его.*

– *Я как раз и хотел закончить этим предложением,* – миролюбиво вставил Жигулин.

– *А рассказывали так, будто прочитали Дюма! Для чего говорить так много,* – бушевал Чаковский, – *если предлагаете так мало? Почему вы не объяснили этого новому сотруднику?* – снова накинулся он на Буртина.

Я, сидевший с Жигулиным в одной комнате, подружился с ним сразу: меня захватила биография Толи.

Со студенческой скамьи Воронежского лесного института его отправили на Колыму как антисоветчика за создание вместе с несколькими единомышленниками некоего кружка «правильных» коммунистов, который они именовали коммунистической партией молодёжи. Кружок был довольно невинным: они собирались для чтения Маркса, Ленина, Сталина, но мотавшие им сроки следователи быстро смекнули, какую материальную выгоду можно извлечь из дела о создании новой «партии» – тягчайшему по тем временам преступлению. И извлекли – одни получили повышение, других даже перевели из Воронежа в Москву. А Жигулин с друзьями получили по 25 лет лагерей.

Лагерь Толю сломал. Выйдя на свободу, он начал пить много и постоянно.

Он появлялся в нашей комнате в длинном плаще с глубокими карманами, доставал из кармана бутылку.

– *Будешь,* – спрашивал он меня, срывая язычок с пробкой.

– *Ну что ты, Толя,* – говорил я ему. – *Ведь сейчас только одиннадцатый час.*

Это на него не действовало. Он наливал себе стакан, опрокидывал водку в рот и садился работать, то есть обзванивать знакомых.

Особенно часто он звонил поэту Игорю Жданову, автору очень неплохой повести, напечатанной в «Молодой гвардии». Дозвонившись, он договаривался о встрече в доме литераторов и, допив бутылку, исчезал.

Конечно, так бывало не каждый день. Иначе он бы и недели не проработал в газете. Но бывало довольно часто. А потом стало всё более учащаться. Эта болезнь и привела его в конце концов к смерти, случившейся 6 августа 2000 года.

Кроме Игоря Жданова был ещё один постоянный собутыльник Жигулина – поэт Владимир Павлинов. Мне он хмуро кивал, наверняка не прощая моей критики его стихотворений. Некогда он и ещё три автора журнала «Юность» составили общую книгу стихов «Общезитие», и я писал о ней. Стихи Павлинова я оценил как наименее удачные.

Павлинов обладал огромной физической силой и мог пить, долго не пьянея. К Жигулину он относился с нежностью.

Именно Павлинову и выпало наказать жигулинского обидчика. Даже не обидчика, а клеветника. Антисемит и сталинист, поэт Василий Фёдоров, прославившийся строками: «Сердца, не занятые нами, немедленно займёт наш враг», пустил сплетню, что Жигулин сидел не по антисоветской, а по уголовной статье: был якобы заурядным карманником. Этого Толя снести не мог.

Фёдоров тоже нередко запивал, и его в запое тоже влекло в ресторан ЦДЛ, где он сидел перед рюмкой и угрюмыми, ненавидящими глазами обводил зал. Вот он увидел Жигулина, пьющего с Павлиновым, и в глазах его (Фёдорова) зажглось ещё больше ненависти.

– У, сволочь! – тихо прорычал Толя.

– А ты подойди к нему, – посоветовал Павлинов, – и скажи: «Что смотришь, харя фашистская!»

Жигулин встал.

Фёдоров не успел ему ответить, потому что, отодвинув Толю со словами: «Это тебе за моего друга, падла!», Павлинов ударил Фёдорова в лицо с такой силой, что тот покатился по залу и недвижно затих у чьих-то ног.

На Павлинове повисло несколько официантов, он их стряхнул, они снова пытались повиснуть на нём. Вызвали милицию. Вызвали «скорую». Фёдорова увезли. Павлинова и Жигулина увели и почти ночь продержали за решёткой.

А наутро о драке узнали в газете.

Поговорить с Жигулиным поручили заместителю главного редактора Артуру Сергеевичу Тертеряну, мастеру улаживания всяческих конфликтов.

– Да, он сволочь, – согласился с Толиной оценкой Фёдорова Артур Сергеевич, узнав, что послужило поводом для избиения. – Но это – очень опасная, очень злобная и мстительная сволочь. Ведь он будет добиваться от Чаковского вашего увольнения. И Александру Борисовичу ничего не останется, как вас уволить. Вам это надо? Позвоните ему и извинитесь. Тем более что били-то его не вы.

Толя пришёл от Тертеряна хмурым.

– Будешь? – спросил он меня, доставая из кармана бутылку. Выпил стакан и задумался. Выпил ещё. А потом стал резко листать справочник союза писателей.

– Василия Дмитрича можно, – сладким голосом говорил он в трубку. – И не встаёт, – озаботился он. – Скажите, что это Толя Жигулин. – Он прикрыл трубку рукой и сказал мне: – Пошла сообщать, стерва! Посмотрим, как он не встаёт.

– Вася! – закричал он. – Это Толя Жигулин. Ну, как ты там, родной? Я слышал, что ты на меня сердиться! Прости меня, дорогой мой Вася! Прости за то, что это не я тебе вмазал по поганой морде, сволочь ты вертухайская, прости, что я не придушил тебя – гада, мерзавца, фашиста...

– Бросил трубку, – удовлетворённо сказал он мне. И допил водку.

На следующий день его попросили написать заявление об увольнении по собственному желанию.

Мы остались с ним близкими друзьями. И я рад, что он посвятил мне одно из лучших своих стихотворений:

Г. Красухину

*Горят сырые листья,
И вьется горький дым.
В саду, пустом и мгlistом,
Он кажется седым.
В молчанье нелюдимом
Я думаю о дне,
Когда растаю дымом
В холодной тишине.
Листок заледенелый
Качается, шурша...
Уже почти сгорела,
Обуглилась душа.
Не будет продолженья
В растаявшем дыму.
И нету утешенья
Раздумью моему.*

* * *

31 января 2014 года, выступая в эфире радиостанции «Эхо Москвы», министр культуры России Мединский оскорбил писателя Даниила Гранина, утверждавшего, что в блокадном Ленинграде работал кондитерский цех, занимавшийся выпечкой пирожных для партийного руководства города. «Враньё!» – уверенно и резко отчеканил Мединский. Посыпались протесты. В частности, возмущённое Открытое письмо министру опубликовал депутат законодательного Собрания Петербурга Б. Вишневский.

За Мединского ответила его пресс-служба. Министр не оскорблял писателя. Сказав «враньё!», он имел в виду, что о производстве «ромовых баб» в блокадном Ленинграде и фотографии из цеха, где их делали, было широко известно задолго до публикации книги Гранина и Адамовича. Информация о производстве этих пирожных в Ленинграде, утверждала пресс-служба, распространялась в военные годы по всей стране, чтобы показать народу, что даже в условиях блокады или осады мы можем делать и кондитерские изделия и шампанские вина.

И вывод: «В любом случае мы должны быть благодарны руководителям блокадного Ленинграда, которые в нечеловеческих условиях обеспечили эвакуацию более миллиона жителей и сделали всё возможное для спасения города».

Даниил Александрович Гранин родился 1 января 1919 года. Воевал на фронтах Великой Отечественной. Став профессиональным писателем, быстро продвигался вверх по номенклатурной лестнице Союза писателей. Был первым секретарём Ленинградского отделения СП СССР в 1967–1971 гг. А первый секретарь писателей Ленинграда входит по должности в секретариат СП РСФСР. И получает депутатство России.

Позже Гранин был в секретариате Союза писателей СССР. Избирался народным депутатом СССР.

Карьерные устремления писателя очевидны. Очевидно, что он умел их реализовывать.

Но при этом писал книги, которые далеко не всегда встречали благостно партийные надзиратели за искусством. Уже роман «Искатели» (1954) подвергся зубодробительной критике. Роман «Иду на грозу» (1962) официальная критика опять-таки встречает в штыки. «Зубр» (1987) – книга о выдающемся генетике Н.В. Тимофееве-Ресовском одобряется сквозь зубы. А по поводу документальной «Блокадной книги», написанной в соавторстве с А. Адамовичем и впервые напечатанной с купюрами в 1977 году в журнале «Новый мир» тогдашний первый секретарь ленинградского обкома Г.В. Романов заявил: *«Плохо отношусь к Д. Гранину, точнее к тому, что он говорит и пишет о блокаде. Это всё неправильно, необъективно. Что бы он ни говорил, его мысли склоняются к тому, что «город надо было сдать», а это вообще неправильная постановка вопроса. Если бы мы его сдали, от него бы ничего не осталось, жертвы были бы страшнее блокадных [...] Руководители страны, включая Жданова, делали всё, чтобы спасти Ленинград».*

Романов клеветал. Гранин с Адамовичем нигде не говорили о необходимости сдачи Ленинграда. Но, как видим, власти уже тогда опровергали любую критику в адрес ленинградского руководства во время блокады. Так что нынешний министр культуры просто подхватывает старую традицию провластного вранья.

* * *

Великий венгерский поэт Шандор Петёфи (родился 1 января 1823 года) не был венгром по национальности. Его отец серб, мать – из бедной словацкой семьи. Но семья Петёфи поселилась в венгерском городе Кишкунфеледьхаза, когда мальчику был год. И Венгрия стала родиной Петёфи, которую он горячо любил.

Его биография слегка похожа на биографию Байрона, который тоже принимал участие в революционных движениях.

Петёфи предпринимает попытки организовать венгерское освободительное движение уже в 1846 году, будучи автором книги стихов и сразу ставших знаменитыми поэм «Сельский молот» и «Витязь Янош». Его стихи «Против королей», «Дикий цветок» призывают к демократическим преобразованием в Венгрии и обличают деспотизм австрийских Габсбургов. В 1847 году поэт возглавил революционную организацию «Молодая Венгрия», пишет страстные гражданские стихи.

С началом Венгерской революции 1848–1849 гг. вместе с Лайошем Кошутом Петёфи становится одним из руководителей демократического движения. Он, Кошут и Янош Ирени пишут обращение к австрийскому престолу, получившее название «12 пунктов». Фердинанд V, король Венгрии и Чехии, отклоняет обращение. С этого времени Петёфи – один из руководителей восстания 15 марта 1848 года в Пеште и в Буде. Его произведения «Национальная песня», «На виселицу королей», «К нации» становятся как бы манифестом восставших.

Петёфи вступает в «Гонвед» – в революционную армию, организованную Лайошем Кошутом. «Гонвед» на венгерском означает «защитник родины». Против венгерских революционеров брошены австрийские войска, русская армия, румынские и саксонские повстанцы. Петёфи сражается храбро. Одновременно пишет боевые песни, поднимающие дух венгерских бойцов.

В стычке с казаками армии русского генерала Паскевича при Шегешвари в Трансильвании 31 июля 1849 года Петёфи погибает.

Он недаром считается классиком венгерской литературы. Его стихи выразили не только гражданские, но и его человеческие чувства. Переводили его в России многие поэты. В том числе – Борис Пастернак.

Стихотворение Шандора Петёфи в переводе Бориса Пастернака:

*Стоит мне о милой замечаться,
Как в цветы все мысли обратятся.
Из пристрастия к этим-то растениям,
Занят я весь день их разведением.
Солнце, заходя, исходит кровью.
Горы всё лиловей и лиловей,
А любимая недостижимей
Даже этих гор в лиловом дыме.
Солнце ходит на закат с восхода.
Я б ходил не так по небосводу:
Я ходил бы с запада к востоку
К самой лучшей девушке далёкой.
И вечерняя звезда сегодня
Льёт свой свет щедрее и свободней,
И в наряде праздничном, пожалуй,
Оттого лишь, что тебя видала.
О, когда же я тебя увижу,
Сяду пред тобой, лицо приближу,
Загляну в глаза и их закрою,
Небо, небо ты моё седьмое!*

* * *

Судьба американского писателя Джерома Дэвида Сэлинджера (родился 1 января 1919 года) трагична. Он прожил огромную жизнь (умер за 9 лет до своего столетия 27 января 2010 года), но после того как его роман «Над пропастью во ржи» (1951) завоевал невероятную популярность», замкнулся, не подпускал к себе журналистов. А с 1965 года прекратил печататься и наложил запрет на издания ранних произведений – на рассказы, написанные им, начиная с 1940 и по 1948 год, – до рассказа «Хорошо ловится рыбка-бананка». То есть он запретил перепечатывать те произведения, которые не были опубликованы в еженедельнике «The New Yorker».

В 1955 году выходит повесть «Выше стропила, плотники», входящая в цикл повествований о семье Глассов, начатый рассказом «Хорошо ловится рыбка-бананка». В 1961-м – повесть в новеллах «Фрэнни и Зуи», продолжающая этот цикл и посвященная православной духовности и, в частности, Иисусовой молитве. В 1965-м печатается повесть «16 Хэпворта 1924 года», представляющая собой письмо семилетнего Симона Гласса – старшего сына своим родителям. Она оказывается последней прижизненной публикацией Сэлинджера. Писатель больше не общается с внешним миром, живёт за высоченной оградой в особняке в городке Корниш, штат Нью-Гэмпшир, и предаётся занятиям разнообразными духовными практиками: буддизмом, йогой, индуизмом и другими.

О Сэлинджере писал Хэмингуэй в своём «Празднике, который всегда с тобой», Хэмингуэй много внимания уделил алкоголизму Сэлинджера. Но, очевидно, что пьянствовал Сэлинджер короткий период своей жизни – после службы сержантом в армии во время Второй Мировой войны. Воевал он храбро, участвовал в высадке десанта союзников в Нормандии, вошёл с войсками в Париж, очищенный от гитлеровцев, где и встретил впервые Хэмингуэя.

Надо сказать, что единственное письмо Хэмингуэю от 1946 года, которое Сэлинджер написал, находясь на лечении в военном госпитале в Нюрнберге, представлено было дирек-

тором Бостонской библиотеки имени Джона Кеннеди сразу после смерти Сэлинджера. При его жизни оно находилось в архивах, доступ к которым был закрыт самим писателем.

Мне его странная жизнь напоминает такую же – американского гроссмейстера Роберта Фишера. Тот же ранний феноменальный успех и то же уединение от людей на протяжении большого периода времени.

* * *

Отдел публицистики «Литературной газеты» изобиловал талантливыми сотрудниками. Статьи Александра Борина, Аркадия Ваксберга, что называется, делали газете тираж. Надо отдать должное и Ольге Георгиевне Чайковской. Её очерки вскрывали суть судебной системы в Советском Союзе, отличались тонким проникновением в психологию героев, о которых она писала.

Ольга Георгиевна, родившаяся 1 января 1917 года, была внучатой племянницей композитора П.И. Чайковского.

Мы с ней сблизились на почве любви к Пушкину. Она напечатала в «Новом мире» статью о Гринёве – героине «Капитанской дочки». А я эту статью перепечатал, когда был составителем сборника «Пушкинист» в 1987 году.

Её книга о Екатерине Второй недавно вышла уже третьим изданием. Правление Екатерины противопоставлено в книге правлению Петра I. И хотя, как известно, русская монархия любила повторять, что ничего не делает, не сверяясь с тем, что делал Пётр, Чайковская показала, что в противоположность страшным бесчинствам, которые творились при Петре, Екатерина установила в России намного более гуманную судебную систему.

Умерла Ольга Георгиевна 13 декабря 2012 года.

2 ЯНВАРЯ

Я не видел кинофильма «Паприка», с которого начался успех великой Франчески Гааль. Именно с этого фильма она ведёт отсчёт своей славы. Сыграв в нём роль, она стала кумиром Австрии, Германии и Венгрии.

«Паприка» снята на немецкой киностудии «Уфа». На дворе 1932 год. С этой киностудией у Франчески подписан многолетний контракт, выгодный, казалось бы, обеим сторонам.

Но через год к власти в Германии пришёл Гитлер. «Уфа» вынуждена разорвать контракт с еврейкой. Вместе с режиссёром Джо Пастернаком Франческа Гааль уезжает в Австрию, откуда приезжала.

Что ж до 1938 года – года аншлюса Австрии с нацистской диктатурой ещё далеко. 1933–1937 годы стали для Гааль временем невероятного взлёта её дарования. Её участие в музыкальной кинокомедии – залог успеха фильма. Люси Карел в фильме «Чичи, забавная девчонка», Марика в «Весеннем вальсе», и особенно – Ева Петер из кинофильма «Петер», особенно – Мари Бонар в фильме «Маленькая мама»! Вся Европа вслед за Франческой Гааль распевает песенки её героинь. Причёска мальчишки Петера, в которого вынуждена превратиться Ева, входит в моду с небывалой скоростью – так пострижено большинство мальчишек Восточной Европы.

Но – год 1938-й. Франческа Гааль вместе с Джо Пастернаком снова спасаются от нацистов. Они приезжают в США. Их ждёт Голливуд, где Джо Пастернак становится директором ведущей кинофирмы «Юниверсал». Франческа снимается в фильме «Флибустьер». Но её Гретхен не трогает американцев так, как трогали европейцев героини «Маленькой мамы» и «Петера». Гааль снялась ещё в нескольких лентах, сыграла в бродвейских мюзиклах и поняла: голливудской звездой она не станет!

Её тянет на родину. И она возвращается в Будапешт, где всю войну скрывается от нацистов в подвале дома, где жила, и у своих венгерских друзей.

И вот – победа. Гитлеровские войска капитулируют. Франческа приезжает в страну победителей. Лето 1945-го. Дальше слово сценаристу и режиссёру Леониду Менакеру, который вспоминает эпизод своей юности:

«... её имя и фамилия – весёлые, звонкие, будто звук колокольчика – Франческа! Гааль! Фильмы с её участием – «Маленькая мама», «Петер» – были смешны и увлекательны. Изящная маленькая фигурка актрисы в широких мужских штанах, обаятельная, лукавая мордочка, зажигательные песенки – очаровывали. Советские мальчишки и девчонки радостно пели слова лихой песенки Франчески: «Хорошо, когда работа есть!» Актриса была своей, понятной, близкой, хотя говорила на чужом языке. Русские титры с переводом даже мешали.

Никаких подробностей биографии Франчески мы не знали. Не знали, что Гааль – еврейка, что при немецкой оккупации пряталась в подвале Будапешта. Вышла в мужских брюках к советским солдатам. Когда спела песенку «Петера», наши ребята поняли, кто перед ними. Маршал Ворошилов переправил знаменитую артистку в СССР.

Услышав от папы, что любимая Франческа приезжает в Ленинград и будет гостьей «Ленфильма», упросил взять меня на студию. Чудо сбылось!

Тихонько сижу в углу кабинета директора студии, сухощавого Глотова. Война окончилась совсем недавно, и следы злоеющей поры ещё видны: с окон не содраны бумажные крестообразные ленты, стены кабинета обшарпаны, на порванных обоях – подтеки. У дверей – ящики с песком, лопаты, висят брезентовые пожарные робы. На длинном, крытом зелёным сукном с чернильными пятнами столе – скудный «банкетный» ассортимент: бутылки

водки, граненые стаканы. Кроме соленых огурцов и крупно нарезанной колбасы, никаких деликатесов не было.

Знаменитую гостью ждали немногочисленные ленфильмовцы, среди них режиссер Эрмлер. Было тихо и скучно. Включённое радио бубнило последние известия. Директор студии Готов, озабоченный предстоящей встречей, методично шагал вдоль стола, поглядывая на часы.

Распахнулась дверь, и, сопровождаемая человеком в кожаном пальто, появилась тщедушная старуха в шляпке с вуалью. На её руках были длинные, до локтя, чёрные перчатки. Она зябко куталась в широкую темную накидку. Я был ошарашен. Где моя веселая озорная Франческа?! Где забавная «маленькая мама»?! Где бойкий «Петер»?! Какое отношение эта чопорная скучная тётка имеет к моей экранной любимице? Из-за спины человека в кожаном пальто появилась девица в погонах – переводчица. Села рядом с гостьей. За столом не стало веселее...

Готов провозгласил тост за мир во всем мире. Все согласно чокнулись. Гостья брезгливо слегка пригубила, оставив след помады на краю стакана. Громко щёлкнув военной зажигалкой, прикурила папиросу из пачки «Беломорканала», выпустив дым через сетку вуали.

Директор студии, испытывая ответственность за атмосферу дипломатического приёма, вновь пробормотал тост. Он процитировал слова вождя мирового пролетариата: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Поэтому Готов и предложил выпить за великого Ленина! Переводчица быстро шептала на ухо гостье. Дама без энтузиазма, вежливо кивнув, сделала маленький глоток. Снова повисла тяжёлая пауза.

Тогда Эрмлер, взяв бутылку водки, подошёл к скучной тётке, налил полный стакан, легко шлепнув даму по плечу, наклонился, по-свойски подмигнув: «Слушай, Фрося, сними шляпу, прими стаканчик и будь человеком!»

Все замерли. Директор подавился солёным огурцом и в ужасе застыл.

Переводчица попыталась что-то шептать, но дама, не слушая, громко захохотала, хлопая маленькими ладошками: «Фрося! Фрося!» – и залпом опрокинула стакан водки. Откинувшись на спинку стула, продолжая звонко смеяться, хлопать и скандировать: «Фрося! Фро-ся!» Стянула с рук длинные перчатки, скинула шляпку, подскочив к Эрмлеру, вцепилась ему в щеку: «Браво! Браво!»

За столом засмеялись. Директор испуганно посмотрел на непроницаемое кожаное пальто. Франческа заметила в углу пыльный рояль. Со стуком откинув крышку, крутанулась на рояльном стульчике, лихо прошлась по клавиатуре. «Хорошо, когда работа есть!» – звонко запел маленький «Петер» свою знаменитую песенку. И хотя актриса пела по-немецки, все дружно подхватили по-русски слова любимой мелодии. Запела даже переводчица. Молчали только директор и человек в кожаном пальто.

Я впервые ощутил чудо актёрского перевоплощения. Исчезла скучная тётка в дурацкой шляпке, длинных перчатках; снова появилась задорная Франческа Гааль! Сейчас понимаю – стал ещё свидетелем урока режиссуры, данного Фридрихом Эрмлером.

В тот летний вечер сорок пятого года актриса ещё долго с удовольствием пела. Потом кто-то из ленфильмовцев сел за рояль. Танцевали. Запели военные песни. Франческа с милым акцентом, радостно, вместе со всеми пела «Катюшу». Плясала с Эрмлером, кокетливо грозя пальцем: «Фро-ся!»).

В СССР Франческа, разумеется, не осталась. Она перебралась в США, где и скончалась 2 января 1973 года. (Родилась 1 февраля 1903 года).

Порой всемирной славы устаиваются даже не сами фильмы, а эпизоды из них. «Петер», как уже говорилось, был очень популярен. Но эпизод из него, где Петер поёт и

танцует с партнёршей танго, оказался даже популярней самого фильма: недаром его очень часто можно встретить в Интернете.

* * *

Вот любопытный документ:

Документ № 73

Лебедев-Полянский – в Политбюро о журнале «Беседа» Максима Горького

Не ранее 10.06.1924

В Политбюро ЦК РКП(б)

В Главлит было прислано решение Политбюро о беспрепятственном пропуске в СССР журнала «Беседа», в числе редакторов которого числится М. Горький.

Так как Главлит по этому вопросу не был запрошен, и решение обуславливалось, очевидно, настойчивостью Горького, сообщаю: Журнал «Беседа» принадлежит Берлинскому издательству «Эпоха». Издательство «Эпоха» принадлежит меньшевикам, и доходы от него идут на партийные цели. Во главе издательства стоят Дан, Лидия Канцель, Далин и Каплун-Сумский.

Административно-хозяйственной частью ведает Далин и Каплун-Сумский.

Пропуская в СССР «Беседу», Главлит будет способствовать улучшению состояния кассы ЦК меньшевиков, да и самый журнал носит неприятный идеологический уклон, теософско-мистический; на его страницах помещают статьи наши ярые враги и рекламируется вся белогвардейская и меньшевистская литература.

Главлит просит Политбюро прежнее свое решение отменить: журнал «Беседу» в СССР по указанным выше причинам не пускать.

Заведующий Главлитом ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ

Павел Иванович Лебедев-Полянский, родившийся 2 января 1882 года, был не просто заведующим Главлитом, то есть руководителем цензурного комитета, но одним из создателей советской цензуры.

Он сменил на посту руководителя Главлита Николая Леонидовича Мещерякова, бывшего в этой должности несколько месяцев, и пробыл на ней девять лет.

В будущем Александр Твардовский выведет чиновника Главлита в своей поэме «Тёркин на том свете»:

*Весь в поту, статейки правит,
Водит носом взад-вперёд:
То убавит, то прибавит,
То своё словечко вставит,
То чужое зачеркнёт.
То его отметит птичкой,
Сам себе и Глав и Лит,
То возьмёт его в кавычки,
То опять же оголит.*

Такое впечатление, что Александр Трифонович имел в виду Лебедева-Полянского.

Тот действительно был неутомим на посту главного цензора. Его тезис о том, что цензура защищает диктатуру пролетариата и руководствуется директивами политбюро ЦК, был положен в основу работы Главлита как единственно правильный. Лебедев-Полянский разработал и структуру главного советского цензурного учреждения в духе большевистской вертикали власти. Во все органы печати, радио, в театр, на почту пришли уполномоченные

Главлита, обладавшие неоспоримым правом не пропускать произведения в печать и даже запрещать их.

В 1926 году Лебедев-Полянский направил в ЦК партии «Докладную записку о деятельности Главлита», где вместе с пожеланием приблизить цензурный комитет к центральным партийным органам потребовал передать в ведение Главлита всю печатающуюся в стране литературу. Что, разумеется, и было сделано.

Вместе с тем следует отметить, что Лебедев-Полянский не сочувствовал экстремистам, провозглашавшим: «*Литературная чека нам необходима*». Он был против одних только карательных мер. Однако, как говорится, Голлем уже был им создан. И в дальнейшем действовал независимо от своего создателя.

Имя Лебедева-Полянского носит сейчас Владимирский государственный гуманитарный университет. Разумеется, не потому, что Лебедев-Полянский создал и укрепил цензуру. Он был ещё литературным критиком, литературоведом, редактором журналов «Народное просвещение» и «Родной язык в школе». Стал даже академиком АН СССР.

Но в академию он был избран не за статьи и не за книги, которые научной ценности не представляют. Он прошёл в академию по должности: был с 1937 года и до конца жизни (умер 4 марта 1948 года) директором Пушкинского дома, как называли Институт русской литературы Академии наук СССР.

3 ЯНВАРЯ

Вспоминает писатель Анатолий Рыбаков:

«Волоколамское шоссе» Бек писал в 1942 году, в самый разгар войны, и опубликовал в 1943 году. И эту великую книгу написал не писатель с капитанскими или майорскими погонами – написал её простой рядовой солдат из ополченцев. Мы, прошедшие войну, знаем, что это такое, сколько километров на попутных, а то и пешком, в снег, в распутицу должен был совершить этот рядовой, как пробивался он к генералам, сколько пропусков и мандатов предъявлял на пропускных пунктах он, не умеющий стоять по стойке смирно да ещё однофамилец немецкого генерала фон Бека. И все же рядовой Бек все это преодолел. И первый написал книгу о победе. Я читал «Волоколамское шоссе» на фронте. Конечно, были и другие книги. В других книгах было всё – героизм наших солдат, великие жертвы, которые нёс народ, беспримерный трудовой подвиг людей нашей страны, но в «Волоколамском шоссе» мы впервые увидели воина-победителя и почувствовали себя тоже победителями. Это великая книга, обошедшая весь мир, написанная солдатом, рядовым солдатом в разгар войны. Бек не ожидал и не получил за это никакой награды. За всю свою жизнь Бек не получил ни одного ордена – ни за войну, ни за литературу. Говорят, что книга выставлялась на Сталинскую премию, но оказалось, что якобы «Волоколамское шоссе» – книга, написанная с позиций культа личности. Наконец-то мы знаем, кто утверждал у нас культ личности: это был, оказывается, А. Бек!.. Как писатель Бек имел много неприятностей с «Волоколамским шоссе». Момыш-Улы, человек, которого Бек прославил на весь мир, стал его злейшим врагом. Он считал себя соавтором «Волоколамского шоссе». Он измучил Бека экспертизами и тому подобными вещами, отнимавшими у писателя время и равными ему душу».

Что здесь сейчас требует разъяснения? Старший лейтенант, командир батальона казах Момыш-Улы, от лица которого ведётся повествование в повести Бека «Волоколамское шоссе», – лицо реальное. Стал полковником, писателем, автором книг «За нами Москва. Записки офицера» (1959), «Фронтовые встерчи» (1962). Бек сохранил его фамилию, но, как и положено в художественном произведении, создал обобщённый образ своего героя, не всегда совпадающий с реальными чертами прототипа. Однако Баурджан Момыш-Улы, став писателем, так и не понял, почему повесть Бека пользовалась огромным успехом, а его, Момыш-Улы, книги малозаметны. Отсюда и неприязнь бывшего героя «Волоколамского шоссе» к своему, так сказать, биографу.

«Волоколамское шоссе» появилось в 1943 году и действительно выдвигалось на сталинскую премию. Но Сталину она не понравилась. А что до того, что повесть написана якобы с позиций культа личности, то ирония Рыбаков в данном случае направлена в адрес клеветников, которые пытались вколотить в сознание читателя послесталинской эпохи такое объяснение успеха «Волоколамского шоссе» в сталинское время.

Александр Альфредович Бек (родился 3 января 1903 года) успел повоевать ещё в Гражданскую, на которую ушёл в 16 лет. Служил в Красной армии на восточном фронте под Уральском, был ранен. Тогда же начал писать заметки и репортажи по заданию главного редактора дивизионной газеты. Стал первым главным редактором газеты «Новороссийский рабочий».

О службе Бека на фронтах Великой Отечественной хорошо сказал Рыбаков (и я это только что процитировал). Добавлю, что Бек прошёл всю войну, закончив её в Берлине.

Ему не везло с прототипами. В романе «Талант (Жизнь Мережкова)» (1958) прототипом героя был засекреченный в ту пору Главный конструктор авиационных двигателей герой соцтруда, лауреат четырёх сталинских премий, академик, генерал-майор-инженер Алек-

сандр Александрович Микулин. Бек познакомился с ним в больнице. Прочитав роман, Микулин много сделал, чтобы воспрепятствовать его публикации. Но роман всё же вышел.

А вот роману «Новое назначение» такая удача не выпала. Прототипом героя романа Бека Александра Онисимова был очень известный сталинский нарком и министр металлургической промышленности, зам председателя Совета Министров СССР Иван Фёдорович Тевосян.

Чтобы сбить сходство, Бек даже ввёл в роман наряду с реальными Сталиным и Берия реального Тевосяна. Но вдова министра нашла, что её муж показан Бекон бездушным роботом. Дама оказалась очень энергичной: написала Брежневу, привлекла на свою сторону крупных деятелей металлургии и добилась своего. Тогдашний секретарь ЦК Андрей Кириленко запретил печатать книгу. Роман пролежал на полке 22 года. И был издан только в 1986 году – через 12 лет после смерти писателя, который умер 2 ноября 1972 года.

Закончу чудесным стихотворением Тани Бек об отце:

*Снова, снова снится папа,
Вот уже который день...
Вечное пальто из драпа,
Длинное,
эпохи РАППа.
Я кричу: «Берет надень!»
Но глядят уже из Леты
Свёрлышки любимых глаз.
Нос картошкой. Сигареты.
«Изменяются портреты», —
Повторяю в чёрный час.
На морозе папа-холмик...
Я скажу
чужим
словам:
– Был он ёрник, и затворник,
И невесть чего поборник,
Но судить его – не вам!*

* * *

Ипполит Фёдорович Богданович, родившийся 3 января 1744, прославился благодаря своей поэме «Душенька», в которой обработал историю любви Амура и Психеи. Причём подражал Богданович не римлянину Апулею, а французскому Лафонтену, который в романе «Любовь Амура и Психеи» весьма своеобразно обработал сюжет римского писателя. Но и подражание Богдановича тоже было весьма своеобразным. В его поэме проступают черты русского быта, угадываются намёки на современную Богдановичу действительность, вводятся персонажи русских сказок, которые действуют вместе с мифологическими персонажами. Лёгкий, доступный разностопный ямб, каким написана поэма, её свободная поэтическая речь, ориентированная на обычную беседу, обеспечила поэме признание самой императрицы Екатерины II, которая специальным указом заставила Богдановича написать комедию «Радость Душеньки», поставленную в придворном театре.

«Душенька» полюбилась современникам. Её ценил Пушкин, похвально отзываясь о ней, выбирая из неё для эпиграфа к «Барышне-крестьянке» строчку «Во всех ты, Душенька, нарядах хороша!», наконец, помянув её автора в «Евгении Онегине»:

*Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.*

Умер Богданович 18 января 1803 года.

* * *

О болезни Стаханова я узнал из выступления луганского рабочего на одной из конференций, типа «Рабочий класс и советская литература», которую устроил Союз писателей в 1970 году и на которую я приехал командированный от «Литературной газеты». Выступали на подобных конференциях не только писатели и не только научные работники. Выступали и рабочие, посаженные в президиум, так называемые передовики производства. Вот один из таких передовиков, отбарабанив своё выступление по бумажке, вдруг отодвинул её и сказал: «А вообще не надо делать богов из рабочих. Они разные. Вот недавно дали героя Алексею Стаханову за подвиг, который он совершил ещё до войны. Да и то многие сомневаются, был ли подвиг? Да и если был, то за что сейчас-то давать героя? За то, что спился, потерял человеческий облик?»

Очень понравился мне этот передовик, который после перерыва не появился в президиуме. И вообще больше не появлялся на конференции.

Что Алексей Григорьевич Стаханов (родился 3 января 1906 года) на самом деле не в одиночку добыл на шахте в 14 раз больше угля, чем предписывалось нормировщиками, я знал. Наверное, об этом знали и когда объявили о рекорде. Знал я и о том, что он кончил Промышленную академию и был назначен сперва начальником шахты, а потом переведён в Москву в наркомат угольной промышленности и получил квартиру в Доме Совета Министров, как его называли у нас в школе – в том самом «Доме на набережной», описанном Трифионовым. Я учился в особой школе, называвшейся экспериментально-базовой Академии наук РСФСР. Время от времени нам устраивали встречи с интересными знаменитыми людьми: со старой большевичкой Стасовой, с Валерией Борц, входившей в краснодонскую подпольную группу «Молодая гвардия». Обещали и встречу со Стахановым. Но потом наша пионервожатая сказала, что звонили ему несколько раз и что его квартира не отвечает. А на вопрос, где он живёт, ответила: в Доме Совета Министров.

Собственно, с этого мои знания о Стаханове и начались. О том, что он не устанавливал баснословного рекорда, я узнал позже. Как и о том, что директор шахты, выступивший против такой липы, был арестован. Узнал, что на самом деле Алексея Стаханова звали Андрей. Но «Правда» назвала его Алексеем со слов не близко знакомого с ним человека. А Сталин, узнав об этом, сказал: ««Правда» ошибаться не может!» Пришлось Стаханову менять паспорт.

Да, героя соцтруда ему дали в 1970-м. Мне кажется, чтобы позлить пенсионера Хрущёва, который после смерти Сталина отобрал у Стаханова квартиру в Москве и переселил в Донецкую область замом управляющего трестом. С этого поста Стаханов был понижен до помощника главного инженера шахтоуправления. Ясно, что Хрущёв не любил этого сталинского маяка. Вот в пику Никите Сергеевичу и снова вознесли Стаханова.

Но остановить его болезнь уже не смогли. Умер он в психиатрической больнице, куда попал из-за хронического алкоголизма, 5 ноября 1977 года.

* * *

Со стихами Юргиса Балтрушайтиса я впервые встретился ещё в школе, в пятидесятые годы, прочитав их в дореволюционном «Чтеце-декламаторе», который дал почитать отец моего друга. Они на меня впечатления не произвели. Оценил я Балтрушайтиса позже как переводчика. Причём не поэзии, а прозы. Он великолепно перевёл несколько повестей Гамсуна, которые я прочитал, купив за бесценок «нивский» пятитомник норвежского писателя. Удивительное было время, когда прижизненный Блок у букинистов стоил 90 копеек (нынешними – примерно 100 рублей), а прижизненный Брюсов и того меньше.

Было это в конце пятидесятых. «Голод», «Викторию» Гамсуна в переводе Балтрушайтиса я прочитал, можно сказать, с восторгом: какой чудный стиль, какая поэзия в описании обыденной и даже страшной жизни! Купил четырёхтомник «нивского» Ибсена (он был в тетрадках: несколько тетрадок составляли том). И снова – «Пер-Гюнт» в переводе Балтрушайтиса. Балтрушайтис мне помог постичь, что нравилось Блоку в «Пер-Гюнте», чем нравилась ему эта пьеса норвежского драматурга.

Я увлёкся переводами Юргиса Казимировича Балтрушайтиса. Читал стихотворные его переводы армянских и еврейских поэтов. Одобрял их. И совершенно забыл, что сам он начинал как оригинальный поэт.

Потом я узнал, что после революции ему удалось получить литовское гражданство и, не выезжая из России, стать чрезвычайным и полномочным послом Литвы в ней, то есть в России. Одновременно был представителем Литвы для Турции и Персии. Многим помог уехать от большевиков, многих деятелей русской культуры спас от террора.

Удивительно: я познакомился с ним, современником Блока, Брюсова, Бальмонта, в школьной юности. И естественно, числил его жителем той золотой дореволюционной эры, которая по своим вкусам и пристрастиям была для меня как время античности. Но в восьмидесятых я вдруг узнал, что он жив, что он в полном здравии живёт в Париже, пишет стихи, переводит, то есть занимается тем, что и в своей молодости. Узнал об этом по какому-то из «голосов» и даже услышал его голос. Кажется, он читал стихотворение, которое сейчас приведу. Конечно, моя память теперь уже не слишком надёжна. Может быть, он читал и что-нибудь другое. Но хочется думать, что я не ошибаюсь:

*Цветам былого нет забвенья,
И мне, как сон, как смутный зов —
Сколь часто! — чудится виденье
Евпаторийских берегов...
Там я бродил тропой без терний,
И море зыбью голубой
Мне пело сказку в час вечерний,
И пел псалмы ночной прибой...
В садах дремала тишь благая,
И радостен был мирный труд,
И стлался, в дали убегая,
Холмистой степи изумруд...
С тех пор прошло над бедным миром
Кровавым смерчем много гроз,
И много боли в сердце сиром
Я в смуте жизни перенёс.
Ещё свирепствует и ныне*

*Гроза, разгульнее стократ,
И по земле, полупустыне,
Взрывая сны, гудит набат...
Но сон не есть ли отблеск вечный
Того, что будет наяву —
Так пусть мне снится, что беспечный
Я в Евпатории живу...*

Да, умер он в преклонном возрасте 3 января 1994 года. (Родился 2 мая 1873-го).

* * *

Николай Евгеньевич Вирта был одним из самых главных литературных погромщиков при Сталине.

Я недавно проглядывал материалы, которые сейчас помещают в Интернете об этом деятеле. Как уже повелось, авторы, ностальгически вспоминая сталинское время, умиленно отзываются и об одном из любимцев Сталина, которому понравился роман Вирты «Одиночество» и который отличил Вирту в 1939-м, когда был опубликован первый указ о награждении советских писателей. Вирта получил орден Ленина.

В 1936 году его пригласили работать в «Правду», что тогда означало высшее к нему доверие. От «Правды» он был корреспондентом на советско-финской войне. В Великую Отечественную, продолжая (недолго) работать в «Правде», он сотрудничает и в «Известиях», и в «Красной Звезде». Наконец, работает в Совинформбюро. Но ничего запоминающегося в этот период не написал. Во всяком случае, очень любопытно, что, в отличие от многих писателей-военных корреспондентов, награждённых во время войны орденами, у Вирты за всю войну три медали – «За оборону Ленинграда», «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Последняя медаль вообще давалась всем участникам войны. А две первых – всем участникам обороны, не обязательно только бойцам и командирам, но вообще всем, кто в то время имел отношение к обороне этих городов, в том числе и всем журналистам, писавшим об обороне.

С учреждением сталинских премий в 1941 году Вирта их получает четыре. Одну сразу же, в 1941-м, – за «Одиночество». Три других – три года подряд: в 1948-м – за пьесу «Хлеб наш насущный», 1949-м – за пьесу «Заговор обречённых», в 1950-м – за киносценарий «Сталинградская битва».

Этот фильм сейчас нередко показывают по телевидению. Тот, кто его смотрел, оценил, наверное, великую мудрость Сталина, чьи командующие фронтами только тем и заняты, что исполняют его указания и приказы. Участвуют, так сказать, в реализации одного из десяти, как насчитал Сталин, его, сталинского, удара. Вирта добросовестно отработывал заказ.

Те, кто умиляется сейчас этим сталинским лакеем, непременно подчёркивают, что сельский священник Евгений Карельский и его жена, отец и мать Вирты – поп и попадья – были расстреляны красными, намекая, что сын им гибели родителей не простил. Но из чего это следует? Николай Евгеньевич рано начал сотрудничать с «Тамбовской правдой», в чьём литературном приложении печатал материалы на злобу дня. Сразу же стал подписываться псевдонимом, похерив опасную фамилию.

Биографы Вирты охотно цитируют Ваксберга, рассказавшего о том, как в 1943 году церковь просила у Сталина разрешения напечатать Библию и как Сталин через Молотова и Вышинского с подачи тогдашнего митрополита и местоблюстителя патриаршего престола Сергия обратился к Вирте, чтобы тот прочёл Библию как цензор: можно ли её разрешить

печатать. Вирта читал, отслеживая: не появится ли человек с усами. Не появился. Библию печатать разрешили. А Вышинский позже всякий раз присылал личные поздравления Вирте с очередным награждением.

Но Ваксберг не знал, что за эту цензуру церковь заплатила Вирте полмиллиона рублей.

На тамбовском сайте прочитал я умильные воспоминания земляков Вирты о его дружбе с первым секретарём тамбовского обкома Василием Чёрным, который был поклонником писателя, родившегося на Тамбовщине. Чёрный познакомил Вирту с одним из председателей колхоза, тоже читавшего его взахлёб. Дальше – цитата:

«Колхоз выделил Вирте участок, на котором он и воздвиг по французскому проекту небольшой, но очаровательный двухэтажный дом. Посаженный своими руками обширный сад и особнячок он обнёс забором, выкрашенным голубой краской. Вместе с супругой писатель жил в Горелом с ранней весны до поздней осени, перебираясь в столицу лишь на зиму. Своей молодой, седьмой по счёту жене, любительнице конной выездки, Николай Евгеньевич приобрёл породистую лошадку, на которой та и горцевала по лугам. Молодая женщина сшила себе для выездки «амазонку». Разве могли горельские женщины, горбившиеся с утра до вечера в поле, восхищаться красиво одетой молодой, скачущей в это время по лугам на резвом скакуне?»

В ту пору такое барство, конечно, вызывало осуждение у многих. Хотя, казалось бы, писатель, обладая к концу жизни достаточными средствами, имел право жить так, как ему хотелось. Но... В Москву улетело возмущённое письмо кого-то из горельских селян. А через некоторое время в «Комсомольской правде» появилась разгромная статья «За голубым забором», обличающая «зарвавшегося» писателя. Вирту вызвали в Москву в правление Союза писателей России, где посоветовали срочно покинуть горельскую усадьбу. Николаю Евгеньевичу ничего не оставалось делать, как подарить свой дом горельскому колхозу и уехать в столицу».

Было это уже после смерти Сталина. Когда разрешили критику его любимцев. А до этого Вирта сам обрушивался с зубодробительной критикой на своих и сталинских врагов. Например, на космополитов. Выражений он не выбирал: «мразь», «человечье отродье», «фашисты в белых халатах».

Вирта имел не только дом на Тамбовщине. В Подмосковье у него была дача в Переделкине. На ней он не только творил, но, как деликатно выразились тогда члены секретариата Союза писателей, вёл «разгульный образ жизни». Причём не один, а в компании с А.А. Суровым и А.Н. Волошиным. Понимаю, что о Суrove некоторые помнят ещё и сегодня: он яростно громил космополитов, которых вверг в рабство: они за него писали пьесы. А о Волошине – вряд ли. Был такой кузбасский писатель. Имел даже сталинскую премию за книгу «Земля кузнецкая». Так вот эту троицу за разгульный образ жизни на даче Вирты в 1954 году исключили из Союза писателей.

Восстановили потом? Конечно. Ведь пустячный же проступок – подумаешь, разврат! Вирте вернули членский билет СП уже через два года. Про Волошина ничего не знаю. А Сурову пришлось долго ждать восстановления. На его развратные действия наложилось ещё и обвинение в том, что он не писал пьес, за которые получал сталинские премии. Так что восстанавливать его в прежнем статусе драматурга никто не спешил. Но Суров соглашался восстановиться как публицист, имея в виду свои погромные статьи при Сталине. Стучался в дверь союза писателей он долго. И в конце концов ему открыл её в 1982 году ставший первым секретарём Московской писательской организации Феликс Кузнецов. Простили Сурову и разврат, и плагиат, и рабовладельчество.

А возвращаясь к Вирте, скажу, что о нём как близком Сталину человеку ходило немало легенд. Хотел рассказать историю с пьесой «Заговор обречённых», которую Вирта представил, как тогда полагалось, в Комитет по делам искусств, который должен был её либо одоб-

ритель, либо зарубить. Но вспомнил, что эта байка уже записана Бенедиктом Сарновым, который расскажет её лучше меня:

«Спустя некоторое время он [Вирта] пришёл к заместителю председателя Комитета – за ответом.

– Прочёл вашу пьесу, – сказал тот. – В целом впечатление благоприятное. Финал, конечно, никуда не годится. Тут надо будет вам ещё что-то поискать, додумать... Второй акт тоже придётся переписать. Да, ещё в третьем акте, в последней сцене... Ну это, впрочем, уже мелочи... Это мы уже решим, так сказать в рабочем порядке...

Вирта терпеливо слушал его, слушал. А потом вдруг возьми да и скажи:

– Жопа.

– Что? – не понял зампред.

– Я говорю, жопа, – повторил Вирта.

Зампред, как ошпаренный, выскочил из своего кабинета и кинулся к непосредственному своему начальнику – председателю Комитета, Михаилу Борисовичу Храпченко.

– Нет! Это невозможно! – задыхаясь от гнева и возмущения, заговорил он. – Что хотите со мной делайте, но с этими хулиганствующими писателями я больше объясняться не буду!

– А что случилось? – поинтересовался Храпченко.

– Да вот, пришёл сейчас ко мне Вирта. Я стал высказывать ему своё мнение о его пьесе. А он... Вы даже представить себе не можете, что он мне сказал!

– А что он вам сказал?

– Он сказал... Нет я даже повторить этого не могу!..

– Нет-нет, вы уж, пожалуйста, повторите.

Запинаясь, краснея и бледнея, зампред повторил злополучное слово, которым Вирта отреагировал на его редакторские замечания. При этом он, естественно, ожидал, что председатель Комитета разделит его гнев и возмущение. Но председатель на его сообщение отреагировал странно. Вместо того, чтобы возмутиться, он как-то потемнел лицом и, после паузы, задумчиво сказал:

– Он что-то знает...

Интуиция (а точнее – долгий опыт государственной работы) не подвела Михаила Борисовича. Он угадал: разговаривая с его заместителем, Вирта действительно знал, что его пьесу уже прочёл и одобрил Сталин».

Умер этот сталинский любимец 3 января 1976 года. (Родился 19 декабря 1906 года).

4 ЯНВАРЯ

Вспоминаю, как нас, работников «Литературной газеты», вызвали в зал, где в президиуме уже сидели новый член политбюро Вадим Медведев, зам зава отдела культуры ЦК Владимир Егоров, мой некогда хороший знакомый Юрий Воронов, неизменно даривший свои стихотворные книжки, и поникший Александр Борисович Чаковский.

До работы в ЦК Владимир Константинович Егоров был ректором Литинститута. Сменивший его на этом посту Евгений Сидоров, когда впоследствии станет министром культуры России, пригласит его на работу в министерство, и Егоров в свою очередь сменит Сидорова на посту министра. Правда, проработает министром недолго – Путин назначит его ректором Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Но вернёмся в зал. Там на трибуне выступает Медведев. Он даёт Чаковскому такую характеристику, что, кажется, вот-вот огласит указ о награждении Александра Борисовича второй звездой героя соцтруда. Но по лицу Александра Борисовича струятся слёзы. Нет, звезды не будет. А будет последняя фраза Медведева: *«И Центральный Комитет принял решение удовлетворить просьбу Александра Борисовича Чаковского об освобождении его от обязанностей главного редактора «Литературной газеты».*

После этого Медведев перейдёт к рассказу о Воронове. Он не скажет о том, за что его в своё время сняли с поста главного редактора «Комсомолки». Говорили, что за то, что он напечатал статью весьма лояльного по отношению к властям, даже, можно сказать, сервильного Аркадия Сахнина о некоем полярнике, человеке сложной, незаурядной судьбы, занявшемся со своим экипажем, ходившим на китов, незаконным бизнесом. Кого в ЦК могла разгневать такая статья, было неясно; да и должность, которую получил после «Комсомолки» Воронов, была всё-таки внушительной: ответственный секретарь «Правды». А вот то, что он на этом посту продержался очень недолго, то, что всеильный идеолог партии Суслов настоял на переводе Воронова спецкором «Правды» в Берлин, показало, что снят был редактор «Комсомольской правды» не только за Сахнина. Воронов был достаточно смел и независим. Напечатал, к примеру, совсем незадолго до снятия статью Евгения Богата о матери Марии: впервые в советской печати воспевался подвиг эмигрантки, участницы французского Сопротивления, прятанной от гитлеровцев евреев и бежавших из плена советских солдат, оказавшейся в нацистском концлагере, где, обменявшись одеждой с больной девушкой, пошла вместо неё в газовую камеру. Скажут: ну и что в этом крамольного? Крамолой в то время было то, что воспевался *подвиг эмигрантки*, которая к тому же не приняла большевистский переворот, но боролась с большевиками в Гражданскую. Так что были основания у Суслова люто невзлюбить Воронова, всякий раз сопротивляться его переводу в Москву из Берлина. Только после смерти главного партийного идеолога Воронов оказался в Москве – сперва главным редактором «Знамени», потом в аппарате горбачёвского ЦК.

Ничего этого Медведев не говорит. Он сожалеет о том, что Воронову придётся уйти с поста заведующего отделом культуры ЦК (и не говорит, что принято решение упразднить этот отдел). *«Мы не хотели его отпускать, – с надрывом. – Но руководство партии и страны нашло, что свой недюжинный талант литератора Юрий Петрович особенно ярко может раскрыть на посту главного редактора «Литературной газеты».*

Воронов говорит коротко и очень тихо. Просит всех оставаться на своих местах. Свидетельствует, что знает, какой сильный коллектив сотрудников сумел собрать в газете Александр Борисович Чаковский.

А Чаковский продолжает всхлипывать. Ему тяжело расставаться с газетой, которая стала его жизнью. Но солдат партии должен во всём подчиняться её решениям. И он, Чаковский, благодарит коллектив...

– *Который не обойдёт своим вниманием многолетнего редактора и будет приглашать его на все наиболее важные и ответственные мероприятия,* – заканчивает за Чаковского Медведев.

Всё! Финита ля комедия!

Нет, оказалось, что не финита! Воронов на следующий день на работу не вышел. Его, как выяснилось, привозили из больничной палаты, чтобы показать нам и увезти назад.

Наверное, не знал Медведев, что Юрий Петрович Воронов болен неизлечимо. Самое большое, насколько его хватало в газете, – несколько месяцев. Потом он ложился в больницу, потом снова появлялся на работе на пару-другую недель. Потом слёг надолго. Он всё реже и реже выходил из больницы. И в конце концов, из неё не вышел. Умер 4 января 1993 года, не дожив 9 дней до 64 лет (родился 13 января 1929 года).

* * *

Михаила Николаевич Лонгинова (ударение на «и»), умершего 4 января 1875 года, а родившегося 14 ноября 1823-го, можно было бы охарактеризовать известной шуткой о советском карьеристе-коммунисте: колебался вместе с линией партии. Михаил Николаевич, естественно, в Компартии не состоял, зато примыкал по мере необходимости к разным партиям общественного движения России второй половины XIX века и чуть раньше. Так в конце сороковых его считали своим Некрасов, Дружинин, Тургенев, Панаев, – все, кто группировался тогда вокруг журнала «Современник», но в конце пятидесятых Лонгинов отойдёт от журнала и станет крушить Чернышевского и Добролюбова в своей статье «Белинский и его лжеученики». В начале правления Александра II был яростным сторонником его реформ, метал громы и молнии в адрес тех, кто желал укоротить развязавшиеся языки и призывал к ужесточению цензуры. А когда напуганный Польским восстанием, ростом общественного недовольства и покушением на его жизнь Каракозовым, император резко изменил свою политику в сторону ужесточения, Лонгинов оказался на посту главного цензора России – начальника Главного управления по делам печати. На этой должности он был так свиреп и фанатично нетерпим к инакомыслию, что стал притчей во языцах: кто только ни поминал его, ни издевался над ним – и его современники, и его потомки.

Как будущие его законодательные потомки, он собирался запретить дарвинизм как учение, собирался наложить запрет на русский перевод книги Дарвина «Происхождение видов». Что вызвало к жизни весьма язвительную эпиграмму Алексея Константиновича Толстого «Послание М.Н. Лонгвинову о дарвинизме»:

*Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и сэмо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?
Полно, Миша, ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь ж...,
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа.*

Ехидный Алексей Толстой обыгрывал в своей эпиграмме ещё и всем в то время известную нетрадиционную ориентацию Лонгинова.

Надо сказать, что Лонгинов отличался отменной работоспособностью и немалой учёностью.

Особенно проявился Лонгвинов как библиограф, разыскавший и опубликовавший многие неизвестные материалы к биографиям Новикова и Княжнина. Он оставил исследование по истории русского масонства, занимался активным розыском неизданных материалов Пушкина. Составленный им сборник этих материалов до сих пор остаётся в рукописи.

Кроме того, Лонгвинову принадлежат труды на историческую тему – о правлении Екатерины II, о княжне Таракановой. Интересовали его такие фигуры, как Абрам Петрович Ганнибал и Иван Михайлович Долгорукий.

Он оставил воспоминания о Гоголе, который был его домашним учителем, и о Лермонтове, с которым дружил.

Но подлинную прижизненную славу Лонгвинову составили его срамные стихи, которые ходили в списках и были напечатаны за границей в Карлсруэ «неизвестным доброжелателем» как раз когда Лонгвинов находился на цензорском посту.

Всё это и запечатлела эпитафия на смерть Лонгвинова, написанная сатириком Дмитрием Минаевым:

*Стяжав барковский ореол,
Поборник лжи и вестник мрака,
В литературе – раком шёл
И умер сам – от рака.*

5 ЯНВАРЯ

«Три витязя российского стиха», – так назвал Ярослав Смеляков себя, Бориса Корнилова и Павла Васильева – трёх приятелей-поэтов, арестованных почти в одно и то же время НКВД.

Смелякову повезло больше. Его выпустили. После отсидки, разумеется. Но потом отправили воевать на финскую войну. И он там попал в плен. Ну, а из плена, если наши тебя вызволили, куда? Правильно, в лагерь. А в конце сороковых гребут по новой. Взяли и Смелякова. Но выжил. Пришёл в конце концов домой.

Павел Николаевич Васильев (родился 5 января 1909 года) стихи начал писать рано. По просьбе учителя написал стихотворение к годовщине смерти Ленина. Оно стало школьной песней.

Печататься Васильев тоже стал рано. И поначалу как бы повторил судьбу Смелякова.

В том смысле, что в первый раз Васильева арестовали по делу «Сибирской бригады» вместе с Сергеем Марковым, Леонидом Мартыновым и приговорили к трём годам ссылки в Северный край. Но освободили досрочно.

Правда, после статьи М. Горького «О литературных забавах» Васильева снова арестовали, перед этим в январе 1935 года исключив из Союза писателей. На этот раз годичный срок за «злостное хулиганство» он отбывал в Рязанской тюрьме.

Если кто-то помнит фильм «Партийный билет» 1936 года, то прототипом главного героя – шпиона, врага народа был именно Васильев.

Ясно, что его снова арестовали. На этот раз в 1937 году. И уже больше не выпустили. Расстреляли 16 июля 1937-го.

Уж и не знаешь: что в этих его последних стихах, – предчувствие?

*Снегири взлетают красногруды...
Скоро ль, скоро ль на беду мою
Я увижу волчьи изумруды
В нелюдимом северном краю.
Будем мы печальны, одиноки
И пахучи, словно дикий мёд.
Незаметно все приблизит сроки,
Седина нам кудри обовьёт.
Я скажу тогда тебе, подруга:
«Дни летят, как по ветру листьё,
Хорошо, что мы нашли друг друга,
В прежней жизни потерявши всё...»*

* * *

5 января 1919 года родилась выдающаяся армянская поэтесса Сильва Барунаковна Капутикян. Её очень любил корреспондент нашей «Литературной газеты» по Армении Зорий Балаян. Вместе с Зориком занимала активную гражданскую позицию по Карабахскому вопросу. Встречалась с Горбачёвым в надежде убедить его уступить эту автономную область Армении. Горбачёв не согласился. Зря. Может, Армения и сегодня была бы демокра-

тической страной. Стихи Капутикян переводили многие поэты. Я привожу стихотворение в переводе Булата Окуджавы:

*Смеюсь несдержанно и бойко,
Чтоб ты не видел, как мне горько.
Смеюсь, и больше ничего.
Смеюсь, чтоб ты за смехом этим
Не распознал и не заметил
Тревоги сердца моего.
Я легкомысленной девчонкой
Шучу, шепчу себе о чём-то
И что-то вздорное пою.
Чтоб слёз моих не мог ты видеть,
Чтоб невзначай тебе не выдать
Любовь мою!..*

Умерла Сильва Барунаковна 26 августа 2006 года.

* * *

Леонида Ивановича Тимофеева (5 января 1904 – 13 сентября 1984) я несколько раз слушал в МГУ. Он у нас не преподавал, работал в ИМЛИ, но его приглашали на встречи со студентами.

Производил впечатление очень корректного человека. К каждому обращался уважительно. Действительно, а не пустой забавы ради, интересовался вашим мнением по данному вопросу. Бывало, что он его оспаривал. Но я помню гораздо более частое согласие с оппонентом. Помню его, шагающего на костылях (он ходил на парализованных ногах), в окружении довольно большой группы студентов.

Был он очень толковым теоретиком литературы. Членом-корреспондентом АН СССР. Предпринимал переложение «Слова о Полку Игореве», к которому специалисты относятся по-разному. Но его книга «Слово в стихе» (1982) до сих пор стоит у меня на полке как весьма ценное пособие.

* * *

С творчеством и с биографией Андрея Платонова меня по существу познакомила его вдова Мария Александровна. Андрея Платоновича только начинали печатать после длительного молчания, и я, работавший в журнале «РТ-программы», пришёл к ней на квартиру, которую она занимала в левом флигеле особняка на Тверском бульваре, 25, принадлежавшего Литературному институту.

Любопытно, что потом в этом левом флигеле расположились Высшие литературные курсы, где я одно время преподавал.

А тогда молодым редактором я пришёл к Марье Александровне, она угощала меня чаем, многое показывала и о многом рассказывала.

От неё я узнал, что их сын был арестован, а потом выпущен из лагеря с открытой формой туберкулёза, которым заразил отца. Он ненадолго пережил сына, скончавшись 5 января 1951 года. (Родился 1 сентября 1899 года).

Нам в журнал Мария Александровна дала рассказ мужа «Семён», который мы напечатали. Но лучшие вещи Платонова я прочитал по подсказке Марии Александровны и с её иногда очень интересными комментариями. За что ей остался навсегда благодарен.

6 ЯНВАРЯ

Константина Фёдоровича Седых (6 января 1908 года – 21 ноября 1979), наверное, все знают (скажу осторожней: знали) по роману «Даурия», получившему сталинскую премию в 1950 году. Много жизни посвятил Константин Фёдорович этому роману, писал продолжение «Отчий дом» – роман, который рядом с «Даурией» уже не поставишь. Хотя и «Даурия» скучноват. В нём много фактического материала из жизни участников гражданской войны в Забайкалье. Но нет художественной цельности. Порой впечатление такое, что читаешь большой этнографический очерк, который сменится, правда, эпическими событиями.

Вообще-то Седых начинал со стихов. И писал их всю жизнь. Можно найти среди них и неплохие. Например:

*С зарёй проснувшись, жаворонок серый
Взмыл из гнезда в струящуюся высь,
И от земли до самой стратосферы
Серебряные звуки разнеслись.
Лесным ручьём звенит и льётся песня,
Звенит, звенит, как шалый бубенец.
И вот уже растаял в поднебесье
Весны и солнца яростный певец.*

* * *

О том, что Пушкин ценил свою современницу, детскую писательницу Александру Осиповну Ишимову (родилась 6 января 1805 года), можно прочесть в любой посвящённой Ишимовой биографической справке. Да, именно к ней обратился Пушкин в день роковой дуэли с Дантесом: *«Милостивая государыня Александра Осиповна. Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение... Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!»*.

Известность и даже можно сказать славу принесла Александре Осиповне Ишимовой, скончавшейся 16 июня 1881 года, её «История России в рассказах для детей». Белинский отмечал живость и увлекательность повествования, его прекрасный язык, но, по мнению критика, адресат выбран писательницей не совсем верно: её книга *«не для детей, которым чтение истории, какой бы то ни было, совершенно бесполезно, потому что для них в ней нет ничего интересного и доступного, – а для молодых, взрослых и даже старых людей»*.

Я бы оспорил это заявление. По своему детскому опыту знаю, как полезно и захватывающе было для меня чтение книги Николая Куна о мифах и легендах Древней Греции. Ребёнку интересны любые исторические факты, если они рассказаны понятным ему, доступным языком. А Ишимова именно таким языком говорила с читателями. Пушкинское *«вот как надобно писать!»* вырвалось не случайно и, конечно, с учётом адресата книги Ишимовой. Белинский пишет о «молодых, взрослых и даже старых» людях. С этим я соглашусь. Это очень редкое качество писателя: оказаться интересным читателям всех возрастов.

Литературная деятельность Александры Осиповны была разнообразной. Она написала ещё немало детских книг: «Рассказы старушки», «Священная история в разговорах для маленьких детей», «Колокольчик. Книга для чтения в приютах». Она переводила с французского и английского. Первой, кстати, познакомила русского читателя с приключенче-

скими романами Фенимора Купера. Издавала ежемесячные журналы для детей «Звёздочка» и «Лучи» (первый журнал «для девиц»).

Но «История России в рассказах для детей» остаётся её главной книгой, которую, на мой взгляд, стоит прочесть и сегодняшнему ребёнку, в чью душу западёт немало исторических эпизодов, криво истолкованных нынешними историками.

* * *

Автор «Человека-амфибии» Александр Романович Беляев занимался поначалу юриспруденцией и к 1914 году имел хорошую клиентуру, ездил за границу.

Из воспоминаний об отце дочери писателя Светланы Александровны:

«Однажды его пригласили защитником по делу об убийстве. Процесс был почти копией знаменитого «дела Бейлиса»: еврея обвиняли в ритуальном убийстве русского ребёнка с целью приготовления мацы на его крови. Отец решил построить защиту на цитировании текстов из Торы и Талмуда, по которым суд должен был понять, что никаких подобных указаний там просто нет. Для этого он нашёл человека, знающего древнееврейский язык. Потрудиться пришлось немало, они вместе сделали дословный перевод нужных отрывков, которые зачитывались на заседании суда. Доказательства были столь убедительны, что обвиняемого оправдали и освободили в зале суда. Процесс наделал много шума, в газетах писали статьи о блестящей защите, а на улице с отцом постоянно раскланивались. Ему прочили блестящее юридическое будущее, но он всё больше увлекался литературной деятельностью, и в результате занятие это стало его единственным средством к существованию».

Да, в 1914-м он всё бросил и посвятил свою жизнь писательству.

И «Человек-амфибия», и другой его роман «Остров погибших кораблей» написаны в двадцатых годах.

Но, когда ему было 36 лет, он слёг: болезнь позвоночника. Шесть лет был прикован к постели, три из них пролежал в гипсе.

Но выбрался. И вернулся к жизни. Он вылечился в Ялте, куда они с матерью переехали в надежде найти специалистов-врачей. Сначала Беляев работает воспитателем в детском доме. Потом его устраивают в уголовный розыск. Однако жизнь в Ялте была очень тяжёлой и Беляев переезжает в Москву.

Он пишет и печатает немало повестей и романов. В том числе и принёсший ему славу роман «Голова профессора Доуэля». Причём не всё он печатает под своим именем, но и под псевдонимами А. Ром и Арбел.

В 1928 году он приезжает в Ленинград, где пишет романы «Голова профессора Доуэля», «Властелин мира», «Человек, потерявший лицо». «Подводные земледельцы», «Чудесное око», рассказы из серии «Изобретения профессора Вагнера». Но обострение болезни заставляет его уехать в Киев.

1930-й оказался особенно тяжёлым для Александра Романовича. От менингита умерла его шестилетняя дочь. Рахитом заболела вторая. Обострилась и собственная болезнь: спондилит.

Он возвращается в Ленинград. Незадолго до войны перенёс операцию, поэтому отказался эвакуироваться. Город Пушкин, где жил Беляев с семьёй был захвачен немцами. Там он, как пишут свидетели, замёрз от голода. Умер 6 января 1942 года (родился 16 марта 1884-го).

Жену и дочь немцы угнали в Германию. После окончания войны они, как бывшие узницы фашистов, оказались в ссылке в Западной Сибири, где провели 11 лет.

7 ЯНВАРЯ

Николай Михайлович Языков был из тех друзей Пушкина, что посетил его в ссылке в Михайловском. Пушкин писал ему:

*Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует...
Родня друг другу по судьбе,
Они родня по вдохновенью,
Клянусь Овидиевой тенью,
Языков, близок я тебе!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.